

ВРЕМЯ И «ПРИКЛАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ»: К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ С. И. ГЕССЕНА

Возможность утверждения «педагогика – это прикладная философия» основана на убеждениях в том, что философия – это наука; философия – это наука о ценностях; культура есть совокупность (система) трансцендентальных ценностей; между образованием и культурой имеется точное соответствие. В статье прослежена эволюция философской веры в эти утверждения и полемика российских представителей неокантианства и философии жизни по этим вопросам.

Ключевые слова: педагогика как прикладная философия, философия, наука, культура, ценности, неокантианство, философия жизни.

Центральная проблема данной статьи может быть обозначена, в подражание Канту, вопросом о возможности утверждения «педагогика есть прикладная философия». Если вне рамок конференций, посвященных творчеству С. И. Гессена, спросить у любого профессионального философа «Существует ли прикладная философия?», то, скорее всего, мы получим два противоположных по форме, но единых по смыслу ответа. Отрицательный ответ может быть аргументирован различными способами: Аристотель: «...из наук в большей мере мудрость та, которая желательна ради нее самой и для познания, нежели та, которая желательна ради извлекаемой из нее пользы» [1, с. 67], приложения может иметь наука, а философия таковой не является [2, с. 327–329]. Положительный ответ может быть аргументирован тем, что философия как рефлексия, как мышление о мышлении, как общая методология и т. п. может быть «приложима» ко всем областям сознательной деятельности человека и педагогика не исключение. Либо «всё», либо «ничто», но если вникнуть в смысл этих понятий («всё» и «ничто»), то они не так сильно и отличаются.

Представленная в статье проблема интересна не только в историко-философском аспекте, но имеет значимость для самоопределения таких областей философии, как философия образования [3], для анализа достаточно распространенного мнения, что «даже самые частные и конкретные вопросы педагогики восходят к чисто философским проблемам» [4, с. 245], для определения места и значения социальных ценностей в системе образования [5] и целого ряда других взаимосвязанных вопросов и проблем.

В начале рассмотрим, как сам С. И. Гессен обосновывает тезис «педагогика – это прикладная философия» во введении своего главного труда «Основы педагогики». «Все науки мы можем в общем разделить на две большие группы: науки теоретические и практические. Первые исследуют бытие, как оно существует независимо от наших че-

ловеческих целей и желаний. ...От них резко отличаются практические науки, устанавливающие правила, или нормы, нашей деятельности. ...Поэтому практические науки мы можем назвать прикладными, или нормативными, часто мы их называем также техническими. Очевидно, к этим именно наукам относится педагогика» [6, с. 22–23].

Всякая норма деятельности, с точки зрения С.И. Гессена, включает в себя материал (средства) и цель [6, с. 25]. Материал педагогической деятельности исследуют, по Гессену, психология и физиология. Именно эти дисциплины и выступают «теоретическими предпосылками педагогики». Исследование и постановка цели являются, согласно С. И. Гессену, прерогативой философии. Отсюда вытекает тезис о «педагогике как прикладной философии».

За исключением несколько непривычного содержания понятий (по современным меркам философского дискурса вместо «теоретические» лучше говорить «фундаментальные» науки и не отождествлять практические, нормативные и технические науки), такое деление науки звучит достаточно современно. Эта классификация становится еще более любопытной, если вспомнить, что С. И. Гессен – ученик баденской школы неокантианства с ее жестким противопоставлением наук о природе и наук о культуре и его первая квалификационная работа была посвящена индивидуальной причинности.

Однако если следовать вышеизложенной логике обоснования С. И. Гессена, то любая практическая или техническая дисциплина (сопромат, инженерная графика и т. д.) есть прикладная философия.

Явно не формулируя эту логическую возможность, С. И. Гессен делит цели на «условные» и «безусловные» («культурные ценности», «цели в себе», цели-задания: «Неисчерпаемыми по самому существу своему и открывающими для стремящегося к ним человечества путь бесконечного развития... которые в своей совокупности составляют культуру») [6, с. 32–33].

Далее Гессен заявляет, что «между образованием и культурой имеется, таким образом, точное соответствие. Образование есть не что иное, как культура индивида» [6, 35 с.]. Затем на вопрос «Какие науки исследуют культурные ценности?» следует ответ, что такими науками «являются различные отделы философии. Так, наука как особая культурная ценность исследуется логикой, устанавливающей законы научного знания, выясняющей различия между отдельными науками и определяющей состав системы науки. Эстетика исследует законы искусства и устанавливает классификацию искусств. Смысл и состав нравственности исследуется этикой. Философия религии и философия права, соответственно, изучают остальные культурные ценности. Таким образом, каждой культурной ценности соответствует особый отдел философии и наоборот: сколько отделов философии, столько ценностей культуры. ... Философия есть наука о самих этих ценностях, их смысле, составе и законах. ... Следовательно, каждой философской дисциплине соответствует особый отдел педагогики в виде как бы прикладной ее части: логике – теория научного образования, то, что многими не особенно удачно называется дидактикой; этике – теория нравственного образования; эстетике – теория художественного образования и т. д.» [6, с. 36–37]. Отсюда и следует, что не все практические науки являются приложением философии, а только те, чьи цели и ценности безусловны, т. е. трансцендентальны.

Подведем предварительные итоги рассмотрения теоретической возможности утверждения «педагогика как прикладная философия». Данное утверждение возможно, если:

- философия – это наука;
- философия – это наука о ценностях;
- культура есть совокупность (система) трансцендентальных ценностей;
- между образованием и культурой имеется точное соответствие.

Каждое из приведенных выше утверждений не бесспорно и могло существовать только в определенный период развития философской мысли. Они отражают позицию неокантианства в целом и его отдельных представителей и поэтому нуждаются в более подробном анализе.

Остановимся вначале на первом: «философия – это наука». В начале XX в. европейская философия изобиловала как сторонниками, так и противниками этого утверждения. Оно было дискуссионно в нескольких планах: наука – жизнь, теория – практика, методология – онтология. Западное, в частности немецкое, неокантианство (а также близкий в этом вопросе к позиции неокантианства Э. Гуссерль) полемизировало по этому поводу с представителями философии жизни, а русские неоканти-

анцы – с неославянофилами и религиозными философами, которые объединились вокруг основанного в 1910 г. издательства «Путь». Особенно яростным противником неокантианства был Н. А. Бердяев. Его непримиримость к Канту и неокантианству осуждал даже князь Е. Трубецкой, который сам был членом Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева. Он писал: «Ко всему кантовскому Н. А. Бердяев относится с той фантастической ненавистью, которая у нас на Руси присуща в наивысшей мере бывшим поклонникам Канта. Назвать „кантианцем“ литературного противника в глазах Н. А. – значит тем самым его уничтожить» [7, с. 75].

Споры российских неокантианцев (С. И. Гессен, Ф. А. Степун, Б. В. Яковенко и др.), объединенных вокруг «Логоса», с «путейцами» вращались как раз вокруг тем «Наука – жизнь», «Методология – онтология».

Логосовцы, по словам Ф. Степуна, твердо отмежевались от философии жизни и Ницше, привлекательных для многих мыслителей начала XX в. [8, с. 287]. «Логосовцы» искали не «скрижалей новых ценностей древних, а нового первосвященника ценностей древних и вечных» [8, с. 287]. Российские неокантианцы от науки и методологии шли к жизни и онтологии («чтобы философствовать от имени жизни, надо эту жизнь сначала философски осмыслить. Нужно взять ее не в ее непосредственной, в переживании обретаемой данности, но в ее теоретической транскрипции» [9, с. 144]), их оппоненты – наоборот. Как писал Н. А. Бердяев: «Вы хотите на философских путях прийти к Богу, я же утверждаю, что к Богу прийти нельзя, из Него можно только исходить, и лишь исходя из Бога можно прийти к правильной, т. е. христианской философии» (цит. по: [7]).

Как известно, И. Кант и его последователи считали, что только теория познания (гносеология) может быть научной. Этой же позиции придерживались в основном и российские неокантианцы. Так, например, можно заметить, что при сопоставлении разделов философии и педагогики у С. И. Гессена отсутствует метафизика (онтология).

Однако, как справедливо отмечает в «Истории русской философии» Н. О. Лосский, российские представители трансцендентально-логического идеализма изначально были ориентированы на некоторые метафизические проблемы и в дальнейшем эволюционировали в этом направлении [11]. Обосновывая данное наблюдение, Н. О. Лосский ссылается как раз на статью С. И. Гессена «Новейшая русская философия», напечатанную в чешском журнале (*Ruch filosoficky*, I, 1923 («Философское движение»)).

Активное участие в дискуссиях по отмеченным выше проблемам принимал и С. И. Гессен. Наиболее детально его позиция представлена в статье «Мистика и метафизика», где он последовательно связывает между собой мистику (иррациональное переживание), метафизику и философию жизни [12]. Кроме того, С. И. Гессен постоянно участвовал в заседаниях Религиозно-философского общества в Петербурге и очень часто выступал оппонентом официальным докладчикам (например, В. Ф. Эрну, Н. О. Лосскому и др.).

Отразилась тематика споров и на его «Основах педагогики». Так, уже на первых страницах этой работы мы сталкиваемся с различием «безотчетного искусства воспитания» и «педагогики как науки» [6, с. 24]. Впрочем, пассажами по отношению теории и жизни начинается и известная работа по педагогике Пауля Наторпа «Философия как основа педагогики»: «Лукавство этих слов заключается в противопоставлении теории и жизни: как будто теория не есть жизнь, как будто достойная жизни жизнь может быть без размышления; как будто можно жить, только не размышляя, или размышлять, только отрешившись от жизни» [13, с. 303].

Если говорить о результатах этих дискуссий, то до начала Первой мировой войны, по выражению А. Белого: «Коген и Риккерт и без приезда в Москву господствовали в стенах университета» [11, с. 272]. Господство неокантианства в «стенах университета» необходимо подчеркнуть особо. Если философия жизни, неославянофильство, религиозная и иррационалистическая философия были популярны в среде «свободной» творческой интеллигенции, то неокантианство – в среде преподавателей философии. Неслучайно эту философию называли профессорской.

Положение резко изменилось с началом Первой мировой войны, которая, как и всякая война, вызвала рост иррационалистических настроений, с одной стороны, и апелляцию к национализму и патриотизму – с другой.

Немецкие учителя русских неокантианцев оказались на редкость патриотически и националистически настроенными людьми. Например, Герман Коген, «типичный представитель еврейской мысли» [15, с. 31], который в 1914 г. совершил поездку в Россию с циклом лекций о мировом значении еврейства, «был готов поехать в Америку с задачей убедить еврейские организации в необходимости полной интеграции евреев в немецкое общество» [16, с. 168]. Предшественник С. И. Гессена в идее о «педагогике как прикладной философии» Пауль Наторп убеждал, что только немцы воюют за «свободу каждого», и призывал «победить или погибнуть» [16, с. 169]. За время войны П. Наторп издал несколько монографий («Война и мир» (1916),

«Мировая миссия немцев» (1918) и др.), в которых убеждал читателей в моральном превосходстве немцев.

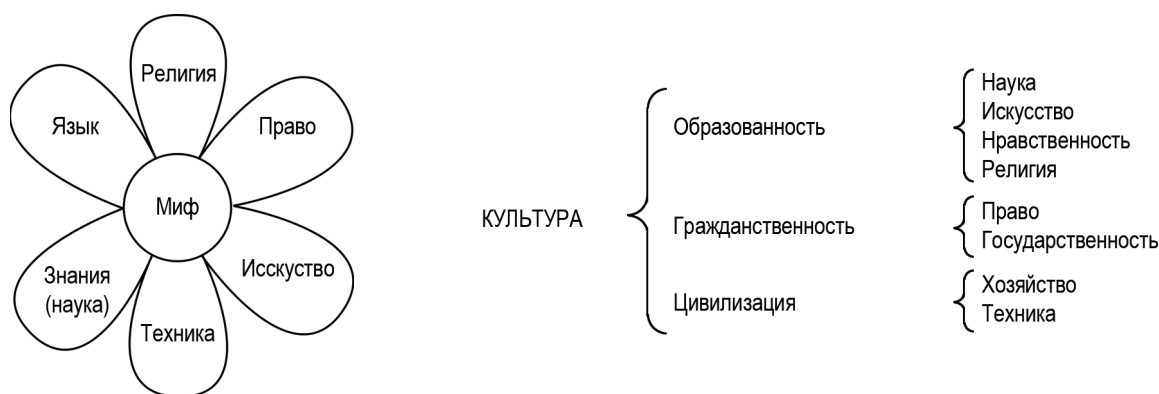
Надо отметить, что *Aufruf der 93 an die Kulturwelt* («Воззвание девяноста трех к культурному миру»), целью которого было «изъявить протест против лжи и обвинений, которыми наши враги пытаются замарать чистые побуждения Германии» и выразить сожаление «против того, что немцы, как белая раса, были вынуждены воевать против „монголов и негров“», подписали 352 университетских профессора [16, с. 168].

Поэтому не только отсутствие редакторов «Логоса» (С. И. Гессен начало войны встретил в Германии и был задержан как гражданский пленный, Ф. Степун был призван в армию, В. Е. Сеземан пошел на фронт вольноопределяющимся) привело к его закрытию. Он просто не мог уже существовать как международный журнал.

Очень часто немецкие философы (в частности, берлинский неокантианец Алоиз Риль) говорили о войне как о битве культуры и цивилизации [16, с. 170], предвосхитив противопоставление этих понятий в «Закате Европы» О. Шпенглера. Впоследствии Н. А. Бердяев писал, что «идея научной философии порождена цивилизаторской волей к могуществу, желанием приобрести метод, дающий силу. В цивилизации побеждает начало специализации, в ней нет духовной цельности культуры» [17, с. 79].

Все вышеперечисленное ставило под вопрос теоретические представления о единстве культуры и о культуре как совокупности трансцендентальных ценностей. Следовательно, можно говорить о внутреннем кризисе трансцендентальной философии, который репрезентирован в печати того времени статьями С. А. Алексеева (Аскольдова) «Внутренний кризис трансцендентального идеализма» («Вопросы философии и психологии», 1915, № 125) и С. Л. Франка «Кризис современной философии» («Русская мысль», 1916, сентябрь).

Не останавливаясь подробно на содержании этого кризиса трансцендентализма, необходимо отметить лишь произошедшие изменения в понимании сущности культуры в неокантианстве. В год издания «Основ педагогики» Гессена увидел свет первый том «Философии символических форм» Эрнста Кассирера. Различия в понимании культуры в этих книгах касались не только сущности (культура как совокупность символических форм и как совокупность трансцендентальных ценностей соответственно), но и структуры культуры (рисунок). Центром, задающим символическое единство культуры, у Кассирера выступал миф, который все не представлен в структуре культуры Гессена.



Структура культуры Э. Кассирера (слева) и С. И. Гессена (справа)

Во время Первой мировой и Гражданской войны многие сторонники неокантианства кардинально поменяли свои взгляды. Наиболее показательным примером мировоззренческого слома может быть судьба М. М. Рубинштейна. Будучи одним из первых русских последователей неокантианства, переводчиком ряда работ П. Наторпа по социальной педагогике (в частности, «Культура народа и культура личности»), отечественным предшественником идей С. И. Гессена (см.: [6, с. 39]), за время Первой мировой и Гражданской войны Рубинштейн резко сменил свои философские предпочтения. Так в 1921 г., когда С. И. Гессен бежал за границу, Рубинштейн писал: «Философия... не мертвые научные квадратики для похоронных распределений остатков живого, она не тупик, а выход по мосту проблемы смысла жизни на простор просветленной жизни» [18, с. 72]. Впрочем, оставшись в Советской России, М. М. Рубинштейн был известен до недавнего времени научному сообществу СССР больше как психолог и педагог.

Таким образом, в начале 1920-х гг. дискуссия между русскими неокантианцами и «путейцами» склонилась в пользу последних. Известно, что «научные теории уходят тогда, когда умирает последний представитель поколения, их разделявшего». Справедливость этого утверждения демонстрирует выход «Основ педагогики», но популярность этой книги обеспечивается скорее педагогическим содержанием, чем философскими основаниями. Аргументом того, что время трансцендентального идеализма прошло, может служить факт неудачной реанимации «Логоса». «Путейцы» же организовали и до Второй мировой войны издавали в Париже журнал «Путь», который пользовался большой популярностью в эмигрантской среде.

Однако окончательное поражение неокантианства и его уход с большой сцены европейской философии можно датировать давосской дискуссией между немецкими философами Эрнстом Кассирером и Мартином Хайдеггером, проходившей с 17 марта по 6 апреля 1929 г.

Интерпретаций этой дискуссии и ее влияния на последующее развитие философии существует достаточно много и они не однозначны. Какие же вопросы обсуждались на этой дискуссии? Во многом те, которые были эксплицированы в качестве теоретической предпосылки утверждения «педагогика есть прикладная философия».

Позиция М. Хайдеггера по вопросу, является ли философия наукой, хорошо известна. Лекционные курсы 1929–1930 гг. Хайдеггер начинал тезисом «Философия – ни наука, ни мировоззренческая проповедь» [2, с. 327].

Для более короткого изложения сущности диспута обратимся к статье А. А. Кравченко «Что происходит на собственно диспуте, названном „совместной работой“ (Arbeitsgemeinschaft)? Оба бросают друг другу упрек в ограничении, в редукции. Кассирер критикует Хайдеггера, что он ограничивает человека его конечностью и отказывает ему в бесконечности, в той мере, в какой он ограничивает анализ прагматизмом. Хайдеггер критикует Кассирера за то, что он философию, несмотря на заверения в противоположном, все же редуцирует к проблеме познания, затем к антропологии, наконец, к философии культуры и тем самым отказывается от прямого вопроса о бытии» [19].

Более интересна с точки зрения рассматриваемой темы проблематика свободы, обсуждавшаяся на давосском диспуте. Как известно, буквально во все периоды своего творчества С. И. Гессен использует этапы становления свободы: аноμία – гетерономия – автономия. В ранний период своего творчества С. И. Гессен применяет их в «Философии наказания» [20], а в более поздний по отношению к «Основам педагогики» период – к анализу творчества М. Ф. Достоевского [21].

Р. Сафрански так описывает расхождение между Хайдеггером и Кассирером по поводу свободы: «По словам Хайдеггера, его оппонент совершенно правильно видит в любой культуре, в любом свершении духа выражение свободы, но не понимает, что эта свобода может застыть, закостенеть в своих

формах. Поэтому свобода всегда должна выливаться в новое освобождение; если она превратилась в состояние культуры, значит, мы ее уже потеряли. ...Если драма присутствия состоит из двух актов – ночи, в которой оно возникает, и дня, преодолевающего ночь, – то можно сказать, что Кассирер направлял свое внимание сразу на второй акт, то есть на день культуры; для Хайдеггера же был важен только первый акт, он вглядывался в ночь, из которой мы все пришли. Его мышление фиксировало то Ничто, на фоне которого только и может выделяться Нечто. Один философ обращался к проистекшему, другой – к истоку. Один всю жизнь занимался тем домом, который воздвигло для себя человечество; другой завороченно застыл перед бездонной тайной *creatio ex nihilo* [Сотворение (мира) из Ничто (лат.)], которая возобновляется всякий раз, как человек пробуждается от сна повседневности и осознает смысл собственного вот-бытия» [22, с. 261–262].

Считается, что в давосской дискуссии победил М. Хайдеггер. Во всяком случае, большинство слушателей оказалось на его стороне. Отношение к участникам дискуссии со стороны «путейцев» сложилось еще до дискуссии. Так, А. А. Аржаковский пишет: «В июле 1926 г. С. Франк в своей „Новокантианской философии мифологии“, а затем, в декабре 1928 г., Н. Лосский в „Мифическом и современном научном мышлении“ отрецензировали этот труд («Философия символических форм». – С. А.) на страницах „Пути“, отдав должное удивительной эрудиции ученика Германа Когена. В то же время оба рецензента высказали мнение о неудовлетворительности трансцендентального метода

при попытках понять мифологическую мысль» [23, с. 72]. «Бытие и время», напротив, было встречено восторженно. «В. Сеземан в рецензии, опубликованной в декабре 1928 г., на книгу М. Хайдеггера „Бытие и время“ называет этот труд „самой замечательной из всех книг, которые вышли за последние 10–15 лет“» [23, с. 74]

Как отреагировал С. И. Гессен на результаты этой дискуссии, можно только догадываться. На наш взгляд, о его позиции говорит следующий текст: «В годы, когда подрывная работа немецких национал-социалистов все более и более давала себя чувствовать в политической и академической жизни Чехословакии (1934–1936), в Праге начал функционировать философский кружок, объединявший чешских (Козак, Мунажовский, Паточка), немецких (Крауз, Карнап, Утниц, Грубе), русских (Н. Лосский, Р. Якобсон) философов, лингвистов и математиков. В кружке этом я тоже в 1934–1935 гг. представил краткое вступление и тезисы для дискуссии (на тему „Ценность и свобода“). Это был последний год моего пребывания в Праге» [6, с. 421].

Подводя итог исследованию, следует отметить, что время бытия высказывания «педагогика – это прикладная философия» ограничено временем существования неокантианства, точнее, трансцендентального идеализма. Однако по отношению к статусу педагогики, возможно, более уместно следующее выражение Г. Когена: «Всякая гетерономия, несамостоятельность, подчинение чужому законопорядку, не истекающему из собственных предпосылок, – есть патология».

Список литературы

1. Аристотель. Метафизика // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. 549 с.
2. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 327–345.
3. Куликов С. Б., Дмитриенко В. А. Место философии образования в структуре социально-философского знания // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2009. Вып. 8 (86). С. 159–161.
4. Мелик-Гайказян И. В. Диагностика *metapoly-turn*, или Биоэтическое измерение проблем профессионального образования // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2012. Вып. 4 (119). С. 244–247.
5. Люрья Н. А. Демократические ценности и подготовка педагога в современном обществе // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2012. Вып. 2 (117). С. 216–221.
6. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / отв. ред. и сост. П. В. Алексеев. М.: Школа-Пресс, 1995. 448 с.
7. Трубецкой Е. Н. Государственная мистика и соблазн грядущего рабства (по поводу статей П. Б. Струве и Н. А. Бердяева) // Русская мысль. 1917. Январь. С. 60–121.
8. Степун Ф. А. Памяти Гессена С. И. // Портреты. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. института, 1999. С. 294–298.
9. Степун Ф. А. Жизнь и творчество // Русские философы (конец XIX – середина XX века): антология. Вып. 2 / сост. С. Б. Неволин, Л. Г. Филонова. М.: Кн. палата, 1994. С. 140–184.
10. Седова Е. Е. Философско-педагогическая концепция С.И. Гессена. ERL: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=214 (дата обращения 20.09.2013).
11. Лосский Н. О. История русской философии. М.: Академический проект, 2007. 551 с.
12. Гессен С. И. Мистика и метафизика // Логос. М.: Мусaget, 1910. Кн. 1. С. 118–156.
13. Пауль Наторп. Философия как основа педагогики // Избранные работы / сост. В. А. Куренной. М.: Территория будущего, 2006. С. 295–383.

14. Белый А. На рубеже двух столетий. Воспоминания: в 3 кн. М.: Художественная литература, 1989. Кн. 1. 543 с.
15. Коральник А. Пафос разума. О Германе Когене // Русская мысль. 1914. Кн. VI. С. 30–33.
16. Куш М. Победителю достается все: философия жизни и триумф феноменологии // Логос. 2004. № 3 (43). С. 167–200.
17. Бердяев Н. А. Воля к жизни и воля к культуре // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение / сост. П. В. Алексеев. М.: Политиздат, 1990. С. 73–84.
18. Рубинштейн М. М. Жизнепонимание – центральная задача философии // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение / сост. П. В. Алексеев. М.: Политиздат, 1990. С. 61–72.
19. Кравченко А. А. Карлфрид Грюндер о Давосе 1929. URL: http://www.utopiya.spb.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=287:-1929-&catid=47:-14&Itemid=140 (дата обращения: 20.09.2013).
20. Гессен С. И. Философия наказания // Логос. М.: Мусaget, 1912–1913. Кн.1, 2. С. 183–232.
21. Гессен С. И. Трагедия добра в «Братьях Карамазовых» Достоевского // Современные записки. Париж, 1928. Т. 35. С. 308–338.
22. Сафрански Р. Хайдеггер: германский мастер и его время / пер. с нем. Т. А. Баскаковой при участии В. А. Брун-Цехового; вступ. ст. В. В. Библихина. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2005. 614 с.
23. Аржаковский А. А. Журнал «Путь» (1925–1940): поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции. Киев: Феникс, 2000. 656 с.

Степанов А. А., доктор философских наук, профессор кафедры.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: step_59@mail.ru

Материал поступил в редакцию 23.09.2013.

A. A. Stepanov

TIME AND “APPLIED PHILOSOPHY”: TO THE QUESTION OF THE THEORETICAL AND SOCIO-CULTURAL ASSUMPTIONS OF PHILOSOPHICAL AND PEDAGOGIC CONCEPTS BY S. I. HESSEN

The possibility of approval “education science is applied philosophy” is based on the belief that philosophy is a science; philosophy is the science of values; culture is a system of transcendental values; there is an exact match between education and culture. In the article we trace the evolution of philosophical belief in these statements and polemic on these questions between the Russian representatives of a Neo-Kantianism and philosophy of life.

Key words: *pedagogy as applied philosophy, philosophy, science, culture, values, Neo-Kantianism, philosophy of life.*

References

1. Aristotle. *Metaphysics. Aristotle Works*. In 4 vol. Vol. 1. Moscow, Thought Publ., 1975. 549 p. (in Russian).
2. Heidegger M. Main concepts of metaphysics. *Time and life: Articles and performances*. Moscow, Republic Publ., 1993. Pp. 327–345 (in Russian).
3. Kulikov S. B., Dmitriyenko V. A. Place of philosophy of education in structure of social-philosophical knowledge. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2009, no. 8 (86), pp 159–161 (in Russian).
4. Melik-Gaykazyan I. V. Memory-turn diagnostics, or Bioethical measurement of problems of professional education. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, no. 4 (119), pp. 244–247 (in Russian).
5. Lyurya N. A. Democratic values and preparation of the teacher in modern society. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, no. 2 (117), pp. 216–221 (in Russian).
6. Hessen S. I. *Bases of pedagogic. Introduction in applied the philosophy*. Ed. and originator P. V. Alekseev. Moscow, School – the Press Publ., 1995. 448 p. (in Russian).
7. Trubetskoy E. N. The state mysticism and temptation of the future slavery (concerning articles to P. B. Struve and N. A. Berdyaev). *The Russian thought*, 1917, January, pp. 60–121 (in Russian).
8. Stepun F. A. Memories of Hessen of Page. And. *Portraits*. St. Petersburg, Publishing house of the Russian Christian humanitarian institute, 1999. Pp. 294–298 (in Russian).
9. Stepun F. A. Life and creativity. The Russian philosophers (the end of XIX – the middle of the XX century): *Anthology*, vol. 2. S. B. Nevolin, L. G. Filonov. Moscow, Book chamber Publ., 1994. Pp. 140–184 (in Russian).
10. Sedova E. E. *S. I. Hessen’s philosophical and pedagogical concept: Monograph*. URL: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=214 (date of the address 20.09.2013).
11. Lossky N. O. *History of the Russian philosophy*. Moscow, Academic project Publ., 2007. 551 p. (in Russian).

12. Hessen S. I. *Mystical and metaphysics*. Logos. Moscow, Musaget Publ., 1910. Book 1. Pp. 118–156 (in Russian).
13. Paul Natorp. Philosophy as pedagogic basis. *The chosen works*. Sost. V. A. Kurennna. Moscow, Future Territory publishing house Publ., 2006. Pp. 295–383 (in Russian).
14. Belyi A. *On the turn of two centuries. Memoirs*. In 3 books of Book 1. Moscow, Fiction Publ., 1989. 543 p. (in Russian).
15. Koralnik A. Pathos of reason. About Herman Kogen. *Russian thought*. 1914. Book of VI. Pp. 30–33 (in Russian).
16. Kush M. Winner gets all: Philosophy of life and triumph of phenomenology. *Logos*, 2004, no. 3 (43), pp. 167–200 (in Russian).
17. Berdyaev N. A. Will to live and will to culture. *On a change. Philosophical discussions of the 20th years: Philosophy and outlook*. Sost. P. V. Alekseev. Moscow, Politizdat Publ., 1990. Pp. 73–84 (in Russian).
18. Rubinstein M. M. Life-comprehension – the central problem of philosophy. *On a change. Philosophical discussions of the 20th years: Philosophy and outlook*. Sost. P. V. Alekseev. Moscow, Politizdat Publ., 1990. Pp. 61–72 (in Russian).
19. Kravchenko A. A. *Karlfriid Gryunder about Davos 1929*. URL: http://www.utopiya.spb.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=287:-1929-&catid=47:-14&Itemid=140 (address date: 20.09.2013) (in Russian).
20. Hessen S. I. Philosophy of punishment. *Logos*, Moscow, Musaget Publ., 1912–1913. Book 1 and 2. Pp. 183–232 (in Russian).
21. Hessen S. I. Tragedy of kindness in “The Brothers Karamazov” by Dostoevsky. *Modern notes*. Paris, 1928. T. 35. Pp. 308–338 (in Russian).
22. Safransky R. *Heidegger: the German master and his time*. Lane with it. T. A. Baskakova with the assistance of V. A. Brun-Tsekhovogo; V. V. Bibikhin’s article. 2nd prod. Moscow, Young guard, 2005. 614 p. (in Russian).
23. Arzhakovskiy A. A. *Journal “Put” (1925–1940): Generation of the Russian religious thinkers in emigration*. Kiev, Phoenix Publ., 2000. 656 p. (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: step_59@mail.ru